

Катерина Томина

Awakers. Пробудители. Том 1

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Т56

Томина К.

Awakers. Пробудители. Том 1 / Томина К.; худ. Томин В.;
с участием Лоренс Н. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. —
141 с.

ISBN 978-5-532-94589-0

История о начинающей рок-группе, которая очень желает войти в историю. Однако, не так легко донести свою музыку до людей в мире, где "все что-нибудь играют, все что-нибудь поют". Еще сложнее не потерять себя в процессе. История про людей, функция которых пробуждать тех, кто даже не знает, что спит, пока не проснется по-настоящему. Про людей, которые горят, чтобы другим было тепло. #ПроAwakers Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94589-0

© Томина К., текст, 2012
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Пролог, или Реквием по придурку	5
Продолжение пролога о том, что никто не должен страдать в одиночестве	10
Часть 1. О том, как все начиналось	15
Глава 1. Про начало жизни после школы	16
Глава 2. О том, как все ненормальные семьи ненормальны по-своему	19
Глава 3. Про «Нирвану»	28
Глава 4. Про скуку	33
Глава 5. Про «Птичек и пчелок»	39
Глава 6. Про Folie à deux	44
Часть 2. О том, как все продолжалось	50
Глава 7. Про охрененную еду	50
Глава 8. Про деревья и дома	56
Глава 9. Про праздник, который удался	61
Глава 10. Про то, как Трой серьезно относится к работе	65
Часть 3. О том, как все чуть не закончилось	70
Глава 11. Пони-Радуги	71
Глава 12. Гауди	74
Глава 13. Эй, Микки!	78
Глава 14. Эвелин	81
Глава 15. Трусливый Лев	86
Глава 16. Страшное маковое поле	92
Глава 17. Дороти	97
Часть 4. В которой рассказчик передает слово автору	101
Глава 18. «Ануннаки»	101

Глава 19. Том такой Том	106
Глава 20. Пробудители	112
Глава 21. Равновесие	120
Глава 22. Правильные люди	127
Глава 23. Что-нибудь на «А»	135

Пролог, или Реквием по придурку

*It's an afternoon for mourners,
But the tears don't come.
Got what you deserved,
The maximum.
«Requiem for a Jerk», Brian Molko*

Когда я умру, хочу, чтобы на моем надгробии написали: «Здесь покоится Саймон П. Он был так себе барабанщиком». Мне нравится думать о себе как о музыканте. Жаль, что на надгробиях не пишут правду.

Я не готовил речь. Вот Руперт готовил – так складно вещал про нашего великого гитариста, который пал жертвой теракта... Кори повезло меньше: ему достался я.

Вот я поднимаюсь на трибуну, а она вся украшена черными лентами, цветочками, фотками – типа траур. Я знаю только потому, что сейчас там вещал этот самый Руперт, а я на него смотрел. А потом, когда я уже там, на виду у притихшего народа, – сын Большой Шишки, гордость класса, – вижу только свои черные ногти. Лак облупился. Записей у меня нет: я же говорю, что не готовился. Но я вроде как играл с этим парнем в группе и вроде как почти публичная персона, так что самая ответственная речь досталась мне.

– Я не готовился, – признаюсь я. Вот уроки учил всегда, а тут типа залажал. Голос звучит сипло, голова трещит. Мне скрывать нечего: мы с Рупертом нажрались накануне. А он, мать его, в отглаженном черном галстуке и с бумажками-записками... Я говорил, что никогда не пользовался шпаргалками? И я продолжаю... Таким солнечным, торжественным, похмельным тоном:

– Сегодня столько всего хорошего было сказано про наших мертвяков, аж самому скорее в гроб захотелось.

Глаз я не поднимаю, но нутром чую вежливые выжидающие улыбки на себе.

– Это шутка для разогрева, – поясняю я, робко взирая с высоты своих скромных шести футов.

Никто не смеется. Мне по херу.

– Сегодня столько всего хорошего было сказано, – повторяю я. – Если хоть половина из этого правда, я – Человек-Паук.

Меня не останавливают.

– Кори... Что я могу рассказать вам о Кори? Кори не был выдающимся учеником. И музыкантом он был так себе, если совсем начистоту. Зато другом он был по-настоящему хреновым. На него никогда нельзя было положиться, он плевать хотел на мнение окружающих... Он не почитал родителей. А еще водил за нос девчонок – о-о-о, это отдельная история; я такого наслушался за время нашей «дружбы», – показываю кавычки пальцами, – иногда уши хотелось почистить ершиком. Вообще ему все сходило с рук. Я всегда удивлялся: чего его все терпят? Ну, терпели как-то... И я тоже. Кори, он...

Я чешу затылок, вспоминая, чем меня еще доставал этот хрен. И ведь продолжал доставать до сих пор. Лежал в своем уютном гробике, лыбился на окружающих: мол, вот ведь дебилы, кружите тут, суетитесь, а я вон – король мира! А чувство такое, что он вот-вот оттуда выскочит, схватит мой микрофон и заорет в толпу привычное: «Мы – Pushing Daisies! Как настрой, народ?» Он любил говорить. Это получалось куда лучше, чем петь.

– Кори любил примчаться в самый неподходящий момент... Мол, какие мы великие, оторвите очи от своих низменных дел и узрите Меня! – Раздражение умножается, проникая в микрофон, проходя через усилители, а потом угасает, как только стихает звук.

– Короче, Кори был обычным раздолбаем, он не собирался умирать.

Тишина абсолютная. Я почти ухожу.

– Уберите своих гребаных террористов с улиц города.

Говорят, я тогда попал на ютуб.

When I grow up, I want to be nothing at all.

«The End», My Chemical Romance

Я как-то раз читал, что думать о смерти – нормальное дело. То есть не помышлять о самоубийстве, а думать о том, что будет после того, как тебя не станет, представлять свои похороны и что на них скажут. Когда-нибудь, хоть раз в жизни, все это делают.

Лично я хочу, чтобы на моих закатали пирушку. Не могу думать о том, как соберутся родственники, знакомые, будут сочувствовать друг другу. Не хочу, чтобы на моих похоронах плакали. Я им не верю. Ей-богу, если они будут реветь, я вылезу из своего гроба и заору им в лицо: «Где вы все раньше были?» Пускай лучше все упьются и пляшут как бесы. И вообще, пускай сожгут меня на хрен, сожгут и забудут. Не хочу, чтобы меня помнили.

Это всего лишь один из периодов в жизни, я знаю. Есть такие периоды, которые надо просто пережить.

Можно начать с малого: встать, умыться, переодеться во что-нибудь приятное, вежливо покинуть дом. Прогуляться, сделать что-то новое. Выкурить на две сигареты меньше, чем вчера. Я знаю, что все в моих руках – это мне вбили в голову с детства.

Еще я слышал, что настроение можно регулировать с помощью одежды. Правда, иногда всей одежды на свете недостаточно, чтобы выразить то, как чувствуешь себя на самом деле. Я выбираю полосатую футболку. Полоски позитивные.

Потом, спустя несколько часов, я валяюсь на больничной койке. Говорят, свалился в обморок прямо посреди улицы. Я плохо помню. Помню, как мы ругались с мамой, потому что я типа «под домашним арестом». Смешно: когда каждый день приносишь домой отличные отметки, родители тебя не замечают, а стоит разок надраться – и все. Они с папой даже коалицию образовали, хотя до этого хрен знает сколько не разговаривали. Папа все пытался воззвать к разуму, а мама – давить на совесть. Я все равно ушел. Еще и дверью хлопнул. А очнулся уже здесь.

Врач что-то говорит про нервное истощение, а мне и смешно, и стыдно. Я даже спорить пытаюсь: типа, добрый доктор, я в порядке, отпустите меня домой, я больше не буду падать в обмороки. Он качает головой и с таким серьезным видом продолжает говорить, будто у меня рак легких какой-нибудь или СПИД. Конечно, я же сын

Большой Шишки, у меня не бывает несерьезно. Не дай боже у меня было бы несварение желудка – представляю, как бы он изгалялся. Правда смешно: хочется заорать во всю глотку, когда он тычет меня капельницей, – просто чтобы этот хрен перепугался до смерти. В Африке детишки умирают от туберкулеза, а я тут как дурак... Так что я валяюсь на койке и ржу, пока он объясняет родителям, как меня будут лечить и что делать дальше. Даже неловко как-то: все же невежливо ржать, когда за тебя волнуются, но сдержаться не выходит. Может, я правда немножко не в себе.

Короче, я попал в больницу с дурацким девчачьим диагнозом. Тогда и прогремел второй взрыв.

* * *

– Мне снилось, что я гитарист.

Я говорю «гитарист», а не «играл на гитаре». В этом есть принципиальная разница. Психолог не делает никаких пометок. Она также не задает ни одного вопроса, предоставляя свободу мысли и слова.

– Это странно, потому что вообще-то я – барабанщик.

Я еще не решил, издеваюсь ли я или в самом деле считаю это важным.

– Что ты играл? – подает она голос.

Я честно пожимаю плечами. Помню это ощущение: как струны струятся под пальцами, оставляют грубоватые полосы на подушечках, когда зажимаешь их слишком долго и усердно.

– Почему ты выбрал барабаны?

– Они дальше от микрофона. «Никогда не давайте микрофон барабанщику», как в той игрушке, знаете...

Конечно, она не знает.

Глупо полагать, что все мечтают быть солистами.

Микрофон больше подходит папе. Он у меня Большая Шишка, любит вешать лапшу на уши. Большие Шишки всегда так делают. Не отличают работу от семьи.

Дальше мы говорим про учебу, про школу. Я признаюсь, что не желаю домашнего обучения. Школа – последнее убежище, которое

осталось. Пусть и с тюремной формой в виде отличительного галстука и пиджака с гербом учебного заведения.

Далее следует монолог о том, как мне нравится учиться.

– Строишь планы на будущее?

Она не спрашивает, какие именно; всего-то нужно «да» или «нет».

– Конечно. – Враки. Строить планы – слишком самонадеянно.

Я собирался уйти из группы. Мы и не делали особо ни хрена, почти не репетировали, только красовались и лакали пиво. Конечно, я никогда не собирался играть профессионально, но тратить время впустую скучно. Так что я хотел уйти... И что из этого вышло? Я смотрю в окно, из которого не видно разрушений масштаба качественного летнего блокбастера, она прослеживает направление моего взгляда.

– Понимаю, что в наше время сложно размышлять о будущем.

Она говорит о том, что в истории было немало тяжелых периодов, когда казалось, что никогда ничто не станет прежним, а исход наступает человечеству на пятки.

Я киваю. У меня выпускной класс впереди. Я решительно настроен получать лучшие отметки и быть прилежным учеником. Я никому не говорил, но в последнее время в наушниках особенно настойчиво звучит Time is Running Out.

Продолжение пролога о том, что никто не должен страдать в одиночестве

*I'll describe the way I feel:
Weeping wounds that never heal.
Can the savior be for real,
Or are you just my seventh seal?
«Special K», Placebo*

Это Пенелопа. Ее голова слегка повернута в сторону, будто она не может оторвать глаз от чего-то ценного. И потом смотрит на нас, сквозь нас с таким растерянным видом. Не дай бог кому-то так влипнуть. Представляю: сваливают на твою голову двух незнакомых человек. И вроде как ты за них несешь ответственность. А что с ними поделаешь? Они же дети. Ну и чем больше дети, тем больше ответственность. А мне уже семнадцать.

Дело в том, что нас с братишкой спихнули в какую-то дыру посреди Ирландии. Это папа так решил. Постановил, что в другой стране нам с братом будет безопаснее. Это после того, как я попал в перестрелку. Правда, оттуда я вышел без единой царапинки: прятался за брошенной машиной. Я не очень хорошо это помню – наверное, из-за шока. Но перепугался как следует. Один из папиных ребят вытащил меня оттуда. На мне ни царапины, а ему плечо продырявили. Я потом два дня есть не мог. Конечно, он выжил, даже на больничный не пошел, но это все формальности. Из-за меня мог погибнуть человек. А мне хоть бы что.

Поэтому теперь мы застряли в этой дыре посреди Ирландии.

И потом еще Пенелопа...

У нее такой вид, будто в этом жилище есть потайная комната, за которую ей заранее стыдно.

И Пенелопа вся такая...

У нее свежее лицо. В смысле не какое-нибудь пластиковое, как у милашек из телека – с дутыми губками, ресничками, как паучьи